

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК [811.161.1+811.581.11]’25

Харитончик Зинаида Андреевна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
Минск, Беларусь

Zinaida Kharitonchik
Habilitation Doctor of Philology, Professor,
Professor at the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
zkharitonchik@mail.ru

Ян Ли
магистрант
Минский государственный
лингвистический университет
Minsk, Belarus

Yang Li
MA Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lizy68520@gmail.com

О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ДИМИНУТИВОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
ON THE TRANSLATION OF RUSSIAN DIMINUTIVES INTO CHINESE

Данная статья посвящена анализу способов перевода диминутивов с русского языка на китайский. На материале повести В. П. Катаева «Сын полка» и романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» и их переводов на китайский язык выявлены две главные стратегии, которым следуют переводчики: замена производных диминутивных форм на их нейтральные производящие единицы, использование *小 xiǎo* ‘маленький’. Это в принципе соответствует общим тенденциям перевода диминутивности с русского на славянские, германские и другие языки и приводит в итоге к некоторой потере в переводном тексте эмоционального фона, присущего оригиналу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: категория; диминутивность; перевод; русский язык; китайский язык; эмоциональность.

The article is centred on the analysis of ways of translating diminutives from Russian into Chinese. On the basis of the short novel “Son of the Regiment” by V.P. Kataev and the novel *How the Steel was Tempered* by N.A. Ostrovsky and their translations into Chinese two major tendencies which the translators follow have been revealed: substitution of derived diminutive forms by their neutral underlying bases and the use of *小 xiǎo* ‘little’. They correlate in principle with general tendencies of translating diminutives from Russian into Slavic, Germanic and other languages and result in some loss in the translation of emotionality of the original text.

К e y w o r d s: category; diminutiveness; translation; Russian; Chinese; emotionality.

Категория диминутивности – одна из наиболее сложных языковых категорий вследствие трудностей определения ее статуса как лексической, морфологической (словоизменяющей/словообразовательной), синтаксической, семантической, семантико-словообразовательной или семантико-прагматической категории – с незапамятных времен неизменно привлекает

внимание лингвистов. Начиная с работ М. В. Ломоносова, К. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева, В. А. Богородицкого и других в русистике (см. исторический обзор и библиографию в [1; 2] и т.д.), Я. Гримма, Е. Крейзинги, О. Есперсена и их современников и последователей в германистике (указания на конкретные труды можно найти, например, в [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9] и т.д.), лингвисты, активно расширяя число языков и вовлекая в орбиту своего анализа не только индоевропейские, но и языки других языковых семей, например, финский [10], ительменский [11], суахили и т.п., направляют свои усилия на установление средств выражения диминутивности в том или ином языке, на раскрытие семантики, закономерностей функционирования, а в последние десятилетия на выявление коммуникативно-прагматического потенциала диминутивных форм, причин их распространенного употребления в разных, включая Интернет и мультипликационные фильмы, речевых жанрах, на потенциал использования диминутивов в языковой игре [12], речевые неудачи, связанные с их активной реализацией [13], усвоение диминутивов детьми [14] и т.п.

Специфика категории диминутивности в конкретных языках даже одной языковой семьи, убедительно продемонстрированная в многочисленных сопоставительных исследованиях (особенно популярно сравнение диминутивных подсистем русского и английского языков) и проходящая по таким линиям, как 1) развитость подсистемы диминутивных словообразовательных суффиксов в одном языке (например, русском, испанском) и малочисленность и непродуктивность их аналогов в другом (например, английском, французском) или даже практически полное отсутствие морфологических средств выражения диминутивности (например, в китайском), 2) разный частеречный диапазон диминутивности, позволяющий образование диминутивных форм как в сфере имени существительного, так и прилагательного, наречия, глагола и междометий [2, с. 39] или же, напротив, ограничивающий этот процесс рамками только одной части речи, как правило, имени существительного, 3) семантическая несводимость диминутивов лишь к передаче значения уменьшительности, но выражение ими целой гаммы эмотивных значений: ласкательности, нежности, умиления, утешения, любви, восторга, жалости, недовольства, ироничности, пренебрежения, снисходительности, злобы, сарказма и т.п., а также присущие диминутивам эксплицитные и имплицитные смыслы смягчения просьбы, реализации фатичности, расположения к себе и т.п. (см. [15; 20] и т.д.), своеобразно реализуемые в тех или иных языках (см. данные о доле диминутивов в речи матерей, говорящих по-русски, по-литовски, по-испански и по-немецки в [2, с. 44]), 4) различия в частотности диминутивов даже в родственных и похожих по грамматическому строю языках, детерминируемые, по мнению М. Д. Воейковой, морфонологическими предпочтениями и теми грамматическими преимуществами, способствующими, в частности, в русском языке упрощению системы склонений и унификации акцентных парадигм, что характерно для диминутивных дериватов [Там же, с. 38] и другие их свойства ярко высветили неоднородность данной категории.

Естественным следствием, вытекающим из структурных, семантических и функционально-стилистических особенностей выражения диминутивности в разных языках, стало обращение к проблеме переводимости диминутивов, встающей перед переводчиками каждый раз, когда перед ними возникает задача перевода текстов художественных и/или устных с одного языка на другой.

Переводоведение к настоящему моменту накопило богатый арсенал исследований, направленных на анализ переводов диминутивов. Их наличие делает возможным провести некоторые параллели между количественными параметрами переводимости диминутивов русского языка и их соответствиями в переводах на другие языки, в первую очередь славянские и германские.

Несмотря на то, что полномасштабное сравнение степени переводимости диминутивов с русского на другие языки на сегодня, к сожалению, невозможно вследствие различий в материале, методиках анализа, характере приводимых количественных данных и т.п., из имеющихся описаний становится очевидной общая тенденция опущения диминутивности и соответственно значительного меньшего числа диминутивных форм в переводе по сравнению с русским текстом оригинала. Так, И. Васева [16] на основе анализа десяти русских романов и их переводов на болгарский язык делает вывод о том, что в болгарских переводах диминутивов в среднем в полтора раза меньше, чем в русских оригинальных текстах. Объяснение этим различиям, на ее взгляд, лежит как в количественных характеристиках реестра диминутивных суффиксов в болгарском языке (их меньше, чем в русском), так и семантических их свойствах (меньше и число передаваемых в болгарском значений диминутивности). Главная же причина, по ее мнению, заключается в повышенной эмоциональности и экспрессивности, характерной для русского языка и не присущей болгарскому языку. «Отражение всех русских УС (уменьшительных слов), – пишет И. Васева, – невозможно и неправильно не только потому, что нарушит нормы болгарского языка, но и потому, что текст будет звучать слащаво или экзальтированно, т.е. создаст неправильное представление о стиле автора и его произведения» [16, с. 180] [цит. по: 2, с. 45]. Заметим попутно, что с этим высказыванием созвучно отрицательное отношение некоторых носителей русского языка к использованию в речи диминутивных форм, их критика «мимишного» языка пользователей социальных сетей, языка «нянь», женского языка и т.п. как слащавого, неестественного (см. подробнее [2; 17; 13] и т.д.).

Данные И. Васевой подкрепляются сведениями в работе М. Багашевой-Колевой [18], посвященной сравнению переводов произведений О. Уальда, Г. Бичер-Стоу, Л. Кэролла и А. Милна с английского на русский и болгарский языки. Согласно полученным ею результатам 1248 диминутивам в английских оригинальных литературных текстах в русском переводе соответствуют 2320 диминутивов, а в болгарском – 1442, т.е. интенсивность использования диминутивов в русском тексте больше чем в полтора раза этого показателя в болгарском и почти в два раза в английском.

Коррелируют с наблюдениями болгарских исследователей и результаты анализа перевода русских текстов на сербский и другие славянские языки. К выводу о том, что при переводе с русского на сербский язык (на примере романа М. Шишкина «Письмовник») в большинстве случаев русские диминутивные суффиксы, играющие важную роль в создании эмотивного потенциала произведения, не имеют формальных и семантически точных соответствий, приходит И. Голушин [19].

Еще более ожидаемо, что проблема переводимости диминутивности переходит на еще более высокий уровень сложности при переводе на западноевропейские языки, в большинстве которых диминутивные формы подверглись лексикализации, утратили оценочный компонент значения и сохраняются лишь как остаточное явление, проявляющее себя на ограниченном круге лексики [13, с. 134]. Используемые переводчиками приемы лексической компенсации и нейтрализации, по данным С. А. Колосова, «недостаточно передают всю экспрессивность и смысловый потенциал формы оригинала... Как следствие, эмотивный и оценочный смыслы оказываются частично утраченными в переводе» [20, с. 202]. Ему вторят Н. А. Фетисова, исследовавшая на материале рассказов Т. Толстой и их переводов на английский язык возможности передачи в переводе иронии, выраженной посредством диминутивов [21], Н. М. Нестерова, Е. А. Аристова и О. В. Протопопова, также фиксирующие в переводах сказов П. Бажова на английский язык опущение диминутивности, продиктованное, как считают авторы, требованиями языковой, стилистической или визуальной норм английского языка, и как следствие снижение в переводе уровня экспрессивности произведений [22], и многие другие исследователи переводов рассказов Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и иных произведений русской литературы.

К аналогичному выводу приводят и полученные нами сведения на материале перевода Р. Прокофьевой романа «Как закалялась сталь» на английский язык «How the Steel Was Tempered» [23], согласно которым число сохраненных в английском переводе диминутивных форм равно лишь 11,3 % от общего числа диминутивов в русском тексте.

Тенденция потери эмотивности сохраняется и в переводах на финский язык вследствие замены переводчиками русских диминутивов в 59,2 % случаев, по данным М. Хилтунен, нейтральными или описательными формами в финском языке [10].

В русле этого направления выполнена и наша работа, цель которой заключается в выявлении способов передачи диминутивов при переводе с русского языка на китайский, в котором морфология чрезвычайно бедна и значение диминутивности во многих диалектах передается с помощью других средств, в том числе и тона. Проводимое исследование задумано как продолжение актуального и важного, представляющего собой значительный интерес в коммуникативно-когнитивном, а также лингвокультурном плане, поиска эквивалентов при переводе диминутивов с одного языка на другой.

В его задачи входит установление средств, используемых при передаче диминутивности в переводе с русского языка, в котором как указывалось ранее, уменьшенные количественные характеристики объектов, с одной стороны, и эмоциональное отношение к ним во всем разнообразии передаваемых эмоций, с другой, составляют широко представленную категорию, отмеченную с помощью многочисленных морфологических маркеров, на китайский язык – язык, принципиально иной по своим структурным характеристикам и во многом отличающийся культурными принципами пользующегося им сообщества.

В качестве объекта анализа нами выбраны диминутивы-имена существительные в повести В. П. Катаева «Сын полка» (43 952 словоупотребления) [24] и Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (97 902 словоупотребления) [25]. Заметим, что выбор произведений был продиктован наличием переводов на китайский язык и их популярностью в китайском сообществе, а также отнесенностью данных произведений к детской и юношеской литературе, в которой диминутивы наиболее широко представлены. В фокусе нашего внимания – нарицательные имена существительные как класс, в котором диминутивы наиболее регулярно представлены. (Перевод имен собственных, также активно используемых в русском языке в диминутивных формах, составляет предмет отдельного исследования.) Анализ способов передачи диминутивов в повести «Сын полка» осуществляется на базе ее перевода Хэ Лицзюанем на китайский язык 团的儿子 (tuán de érzi) [26]. В основу поиска эквивалентов диминутивов в романе «Как закалялась сталь» положен перевод 钢铁是怎样炼成的 (gāngtiě shì zěnyàng liàchéng de), сделанный Цао Манси и Ван Чжиди [27].

Как и следовало ожидать, учитывая усвоение диминутивов детьми уже в самом раннем возрасте [14] и их принадлежность к наиболее употребительным разрядам лексики в русском языке (согласно данным М. Д. Воейковой [2, с. 40] диминутивы – первый по частотности в устном и второй по встречаемости в основном подкорпусах Национального корпуса русского языка, уступающий в этом плане лишь Nomina Agentis), число диминутивов, зафиксированных в этих произведениях, значительно. В повести «Сын полка» использованы уменьшительно-ласкательные формы названий людей (*сынишка, братишка, паренек, тетенька, сестренка, деточка, солдатик, пастушонок* и т.д.), частей тела и волосяного покрова (*височек, шейка, морщинка, волосики, чубчик* и т.д.), одежды и обуви и их частей (*мундирчик, карманчик, тесемочка, шапочка, сапожки, шнурочки*), сооружений (*избушка, домик, окопчик*), артефактов (*зеркальце, коробочка, чашечка, мешочек* и т.д.), абстрактных сущностей (*словечко, минуточка*) и некоторые другие – всего 119 диминутивов, встретившихся в тексте 470 раз. Среди них наиболее частотны *пастушок* и *дяденька* (72 и 52 употребления соответственно), *фонарик, окопчик* и *чубчик* (14, 11 и 10 употреблений соответственно); для подавляющего же большинства диминутивов в данном произведении характерны единичные контексты.

Принимая во внимание значительно больший объем романа «Как закалялась сталь», число диминутивов, в нем зафиксированных, по сравнению с повестью «Сын полка», не столь велико – всего 174 единиц. Среди них, помимо имен собственных *Павлушка, Шурочка, Володька, Сережка* и т.п., так же, как и в выше описанной повести В. П. Катаева, широко представлены названия лиц (*доченька, дочурка, девчурка, девонька, сестренка, жёнушка, сыночки, братишка, гражданочка, мещаночка, дедка, старичок, старушка, гимназистик* и т.д.). В тексте встречаются названия частей тела и волосяного покрова (*глазки, глазёнки, носик, язычок, ротик, головка, горлышко, ушко, ручки, косички* и т.д.), одежды и обуви и их частей (*шапочка, платочек, башмачки, туфельки*), сооружений и их частей (*избенка, церквушка, домик, домишко, окошки, подвальчики, крылечко* и т.д.), артефактов (*ножики, вилочки, гребешок, портретик* и т.д.), абстрактных сущностей (*словечко, часок, ночка, минутка* и т.д.). Список лексико-семантических групп диминутивов в анализируемом романе пополняют зоонимы (*собачки, лошадки, червячок*), названия растений, их частей и плодов (*стебелек, яблочко*), поселений (*городок, деревушка*), метеорологических явлений (*тучка, дождик, ветерок*), денежных единиц (*полтинничек, рублик*) и т.п. По своей частотности в романе доминируют две единицы: *мальчишка* и *городок* (25 и 41 употребление соответственно), к которым примыкают *братишка* (19), *ступенька* (17), *домик* (15 употреблений). Очевидно, что и в данном произведении подавляющее число диминутивов зафиксированы в единичных контекстах.

Таким образом, и в нашем исследовании на базе выбранных художественных произведений нашли подтверждение отмечаемые в научной литературе характерные для русского языка тенденции преимущественного использования диминутивов в речи, направленной на детскую аудиторию (чем и объясняется большее число диминутивов в повести В. П. Катаева по сравнению с романом Н. А. Островского), ведущая роль диминутивов в сфере названий лиц, неограниченность их сферы конкретными именами существительными и широкие возможности образования диминутивных форм от названий разных семантических классов.

Однако наиболее интересные данные дает нам картина перевода выявленных в русских текстах диминутивов на китайский язык.

Оставляя в стороне редко используемые пути, по которым следует переводчик в поиске адекватных средств передачи значений русских диминутивов (лексические эквиваленты 8 слова, называющие объекты маленького размера, синонимы, описательные обороты, фразеологические единицы [28]), подчеркнем главное, что отличает китайский перевод от оригинала, а именно: наиболее широко переводчики на китайский язык используют стратегию опущения диминутивности, сохраняя только значение исходного слова и тем самым референциальную отнесенность диминутива, полагая, по-видимому, что диминутивные значения легко реконструируются из контекста, в котором речь идет о детях или подростках, или же это значения, которые не влияют на общий смысл текста. Убедительным свидетельством доминирования

данной стратегии является то, что для подавляющего числа диминутивов в русском тексте (66,1 % в повести «Сын полка» и 76,27 % в романе «Как закалялась сталь») их китайские корреляты не несут уменьшительно-ласкательного значения и указывают лишь на обозначаемый русским диминутивом референт. Например: *табачок* → 烟 *yān* ‘табак’¹, *словечко* → 话 *huà* ‘слово’, *окопчик* → 塹壕 *qiàn háo* ‘ров’, *шапочка* → 帽子 *mào zi* ‘шапка’, *мешочек* → 袋子 *dài zi* ‘сумка’, *височки* → 鬓角 *bìn jiǎo* ‘висок’ и многие другие в повести «Сын полка»; *мальчонка* → 孩子 *hái zi* ‘ребенок’, *сыночки*, *сынок* → 孩子 *hái zi* ‘ребенок’, *окошки* → 窗户 *chuāng hù* ‘окно’, *гребешок* → 梳子 *shū zi* ‘расчёска’, *ножики* → 刀 *dāo* ‘нож’, *вилочки* → 叉 *chā* ‘вилка’, *домишко* → 家 *jiā* ‘дом’, *башмачки* → 鞋 *xié* ‘туфля’, *избёнка* → 矮草屋 *ǎi cǎo wū* ‘низкий соломенный дом’, *портретик* → 肖像 *xiào xiàng* ‘портрет’, *дочка* → 女儿 *nǚ ér* ‘дочь’, *гимназистушка* → 中学生 *zhōng xué shēng* ‘ученик средней школы’, *жёнущка* → 老婆 *lǎo pó* ‘жена’, *гражданочка* → 女公民 *nǚ gōng mǐn* ‘гражданка’ и т.п. в романе «Как закалялась сталь».

Естественно, что в поиске адекватных средств выражения в китайском языке переводчики используют также средства выражения диминутивности, имеющиеся в системе китайского языка: 小 *xiǎo* ‘маленький’ с его неопределённым статусом префикса, полупрефикса или корневой морфемы и значением малого размера и юного, молодого возраста: *избушка (изба)* → 小木屋 *xiǎo mù wū* ‘маленький деревянный дом’, *домик (дом)* → 小房子 *xiǎo fáng zi* ‘маленький дом’, *домик* → 小屋 *xiǎo wū* ‘маленький дом’, *чашечка (чашка)* → 小茶杯 *xiǎo chá bēi* ‘маленькая чашка’, *карандашик (карандаш)* → 小铅笔 *xiǎo qiānbǐ* ‘маленький карандаш’, *кусочек (кусок)* → 小块 *xiǎo kuài* ‘маленький кусок’, *платочек (платок)* → 小手帕 *xiǎo shǒu pà* ‘маленький платок’, *ручейками (ручей)* → 小溪 *xiǎo xī* ‘маленький ручей’, *мостик* → 小桥 *xiǎo qiáo* ‘маленький мост’, *городок* → 小城 *xiǎo chéng* ‘маленький город’, *лодочка* → 小船 *xiǎo chuán* ‘маленькая лодка’, *парнишка* → 小伙子 *xiǎo huǒ zi* ‘молодой парень’, *ребятки* → 小伙子 *xiǎo huǒ jì* ‘друзья’ и т.п.

Еще одним способом выражения диминутивности при переводе с русского языка на китайский является прибавление к имени суффикса 儿 *er/r*, что и было использовано переводчиком в качестве эквивалентов следующих диминутивов: *чубчик* → 刘海儿 *liú hái er* ‘чуб’, *чёлочка* → 刘海儿 *liú hái er* ‘чёлка’, *дырочка* → 绳眼儿 *shéng yǎn er* ‘дыра’, *крышечка* → 烟嘴帽儿 *yān zuǐ mào er* ‘крышка’, *птички* → 鸟儿 *niǎo er* ‘птицы’, *минутка* → 等一会儿 *děng yī huì er* ‘подождать немножко’.

¹ Мы ограничиваемся только переводным эквивалентом, не приводя контекста, в котором слово употреблено, так как эмотивные значения, присущие диминутиву в оригинале, в тексте перевода выводятся чаще всего не из непосредственного окружения переводного эквивалента, а из общего эмоционального фона произведения.

Характерно для китайского языка и выражение диминутивности с помощью редупликации, используемой при переводе исследуемых производений как в отдельности, так и в совокупности с префиксом 小 *xiǎo* ‘маленький’. Например: *сестрёнка* → *妹妹 mèimèi* ‘младшая сестра’, *сестренка* → *姐姐 jiějie* ‘старшая сестра’, *мамка* → *妈妈 māma* ‘мама’, *дяденька* → *叔叔 shūshū* ‘дядя’, *звёздочки* → *小星星 xiǎoxīngxīng* ‘маленькая звезда’, *братишка* → *小弟弟 xiǎodìdì* ‘маленький брат’ и т.п.

Однако, как явствует из количественных характеристик, приведенных на рис. 1 и 2, данные способы выражения диминутивности в переводах на китайский язык, из которых лидирующим является модификация смысла исходного существительного с помощью префикса (26,45 % и 18,07 % соответственно), представлены незначительно:

Рис. 1. Перевод диминутивных форм в русском тексте на китайский язык («Сын полка»)

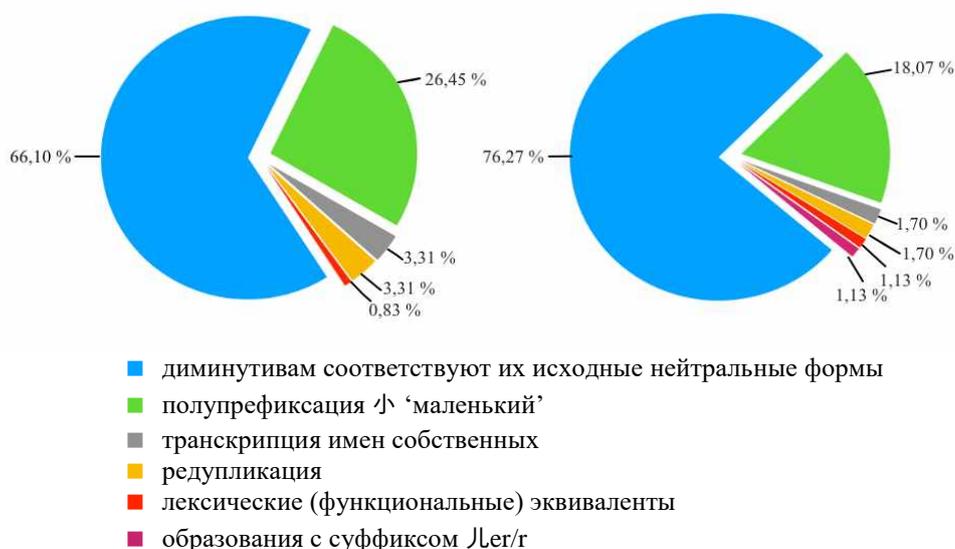

Рис. 2. Перевод диминутивных форм в русском тексте на китайский язык («Как закалялась сталь»)

Таким образом, становится очевидным, что серьезные различия в системах репрезентации диминутивности в разноструктурных языках предопределяют значительные трудности при передаче уменьшительности и синкретично связанных с нею эмотивных значений русских диминутивов на китайский язык и делают задачу сохранения эмоционального фона русскоязычного произведения, обусловленного употреблением диминутивов, трудно выполнимой. Ими продиктовано применение переводчиками стратегии опущения данных значений при указании исходного для диминутивной формы имени существительного в переводном тексте как главного способа перевода диминутивных форм и опоры на контекст, в котором благодаря окружению и ситуации передаваемые в тексте диминутивные значения все же в какой-то степени сохраняются. Это не может не влиять на передачу эмоционального фона произведения, точнее, на снижение градуса эмоциональности в тексте перевода по сравнению с оригиналом.

Налицо также общность переводческих стратегий при переводе диминутивов русского языка как на славянские (болгарский, сербский), германские (английский), так и не имеющие родственных корней и далеко отстоящие в плане структурных характеристик китайский и финский языки. Это позволяет предположить, что причина непереводаемости диминутивов кроется не только в асимметрии репертуара и разнотипности средств выражения диминутивности, а также различиях языковых культур, но, что главное, многообразии оценочных значений, присущих категории диминутивности в русском языке и находящих выражение в других языках за ее пределами с помощью иных языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фуфаева, И.* Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Фуфаева. – М., 2017. – 258 л.
2. *Воейкова, М. Д.* Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления / М. Д. Воейкова // Вопросы языкознания. – 2020. – № 5. – С. 38–56.
3. *Быбина, З. И.* Категория диминутивности в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / З. И. Быбина ; МГПИИЯ. – Минск, 1978. – 20 с.
4. *Шедогубова, С. В.* Структурно-семантический и прагматический аспекты категории диминутивности в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. В. Шедогубова ; ВГПУ. – Воронеж, 2004. – 18 с.
5. *Исакова, С. Ш.* Средства выражения категории диминутивности в английском и русском языках: на материале английской и русской художественной прозы XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С. Ш. Исакова. – Махачкала, 2006. – 190 л.

6. *Буряковская, А. А.* Диминутивность в английской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Буряковская. – Тула, 2008. – 154 л.
7. *Резниченко, Л. Ю.* Прагматика диминутивности в английском и немецком языках : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02.04 / Л. Ю. Резниченко. – СПб., 2001. – 176 л.
8. *Либерт, Е. А.* Типология суффиксальных диминутивных моделей в западно-германских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Либерт ; Ин-т филологии Сиб. отд-ния РАН (ИФЛ СО РАН). – Новосибирск, 2012. – 21 с.
9. *Слабко, Ю. В.* Общие и отличительные черты функционирования диминутивности в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. В. Слабко. – Екатеринбург, 2016. – 191 л.
10. *Хилтунен, М.* Передача значений оценочных суффиксов при переводе с русского на финский (на материале художественных текстов) : дипломная работа / М. Хилтунен. – Ун-т г. Тампере, 2009. – 118 л.
11. *Долозова, О. Н.* Формальные и функционально-семантические особенности категории диминутивности: на материале ительменского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Н. Долозова. – СПб., 2007. – 168 л.
12. *Менькова, Н. В.* Диминутивы как средство языковой игры / Н. В. Менькова // Ярослав. пед. вестн. Гуманит. науки. – 2014. – Том 1, № 3. – С. 152–157.
13. *Менькова, Н. В.* Диминутивы как речевая неудача / Н. В. Менькова // Верхневолж. филол. вестн. – 2018. – № 4 (15). – С. 127–136.
14. *Kazakovskaya, V. V.* Child nominal derivation and parental input: evidence from morphology-rich Russian / V. V. Kazakovskaya // Intern. Journal of Cognitive Research in Sci., Engineering and Education (IJCRSEE). – 2019. – 7(1). – P. 121–129.
15. *Лескина, С. В.* Представленность разноуровневых диминутивов в русском и английском языке / С. В. Лескина, Ю. В. Слабко // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 1. – С. 15–21.
16. *Васева, И.* Умалительность, экспресивность, эмоциональность / И. Васева. – София : Авангард Прима, 2006. – 202 с.
17. *Козловская, Т. Л.* Хочу сказать о языке сахарном, сладеньком, сусальном / Т. Л. Козловская // Рус. речь. – 1992. – № 3. – С. 55–57.
18. *Bagasheva-Koleva, M. S.* On the category of diminutiveness in English, Russian and Bulgarian / M. S. Bagasheva-Koleva // Proc. of the IInd Intern. Sci. and Practical Conf. “The goals of the World Science 2016 (Jan. 27–28, 2016, Dubai, UAE)”. – № 2(6), vol. 4. – P. 7–10.
19. *Голушин, И.* Диминутив как способ выражения эмотивности в русском и сербском языках (на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский язык) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. Голушин. – Екатеринбург, 2021. – 203 л.
20. *Колосов, С. А.* К вопросу о категории диминутивности в переводе с русского языка на английский / С. А. Колосов // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2017. – № 4. – С. 197–203.

21. *Фетисова, Н. А.* Передача в переводе иронии, реализованной при помощи диминутивов (на материале рассказов Т. Толстой и их переводов на английский язык) / Н. А. Фетисова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 4. – С. 173–179.
22. *Нестерова, Н. М.* Аффиксальные эмотивы в сказах П. Бажова и их перевод / Н. М. Нестерова, Е. А. Аристова, О. В. Протопопова // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – 2019. – Т. 11, вып. 3. – С. 57–70.
23. *Ostrovsky, N.* How the Steel Was Tempered : in 2 vol. / N. Ostrovsky ; R. Prokofieva (transl.). – Moskow : Foreign Languages Publ. House, 1952. – 312 p.
24. *Катаев, В. П.* Сын полка [Электронный ресурс] / В. П. Катаев. – Режим доступа : <https://traumlibrary.ru/book/kataev-syn-polka/kataev-syn-polka.html#toc>. – Дата доступа : 01.06.2022.
25. *Островский, Н. А.* Как закалялась сталь [Электронный ресурс] / Н. А. Островский. – Режим доступа : <https://mybook.ru/author/nikolaj-alekseevich-ostrovskij/kak-zakalyalas-stal>. – Дата доступа : 01.06.2022.
26. 卡达耶夫。团的儿子 (译者:何丽娟) / 卡达耶夫. – 湖南:湖南少年儿童出版社 2013. – 261 页
27. 奥斯特洛夫斯基. 钢铁是怎样炼成的 (译者: 曹曼西, 王志棣) / 奥斯特洛夫斯基. – 江苏: 译林出版社, 2018. – 410 页。
28. *Ян, Ли.* Диминутивы в русском языке и их английские и китайские корреляты : дис. ... магистра филол. наук : 1-21 80 24 / Ли Ян. – Минск, 2022. – 68 л.

Поступила в редакцию 15.08.2022